

Елена МАЙОРОВА

КАРОЛИНА ПАВЛОВА И «ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС»

Аннотация

В статье рассматривается нравственная позиция широко известной в своё время русской писательницы и поэтессы Каролины Павловой относительно русско-польских отношений, сложившихся после третьего раздела Польши и Венского конгресса. Определённое влияние на мировосприятие поэтессы оказало свободное владение ею почти всеми европейскими языками, а также романтические отношения с опальным польским поэтом Адамом Мицкевичем. Однако отмечается самостоятельность воззрений Павловой на политическую ситуацию 30–90-х гг. XIX в. В противостоянии западников и славянофилов Павлова предпочла остаться над схваткой, не разделяя ни патологического отрицания достижений Запада, ни низкопоклонства перед ним. Она сформировала собственный взгляд на «польский вопрос» – понимание исторической драмы Польши. Во времена политических крайностей поэтесса заняла взвешенную евразийскую позицию, что могло её сделать, но по ряду обстоятельств не сделало арбитром в нескончаемом споре противостоящих литературных группировок.

Польша, находящаяся в самом центре Европы, между Западом и Востоком, много пережила на своём

веку. Драматизм польской истории просто невероятен. Ближайший сосед России, Польша известна росси-

МАЙОРОВА Елена Ивановна – доктор юридических наук, профессор кафедры частного права Государственного университета управления. **Адрес:** Российская Федерация, 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99. **E-mail:** trol003@mail.ru

Ключевые слова: Каролина Павлова, Адам Мицкевич, поэзия, разделы Польши, западники и славянофилы, польское восстание, имперская политика, полонофобия.

янам не слишком хорошо и скорее в негативном свете. Глубинная причина – старинные территориальные разногласия, свойственные двум сильным государственным образованиям. Населённые родственными славянскими народами, страны были разделены и религиозной разностью, что сыграло большую негативную роль в их взаимоотношениях.

Тем более ценны свидетельства творческого содружества и душевного созвучия между представителями польской и русской творческой интеллигенции.

Таким примером можно назвать краткое, но плодотворное сотрудничество великого польского поэта Адама Мицкевича, которого соотечественники ставят наравне с А. С. Пушкиным, и ныне прочно позабытой, но в своё время хорошо известной русской поэтессы Каролины Павловой.

Было время, когда имя К. Павловой не сходило со страниц лучших русских журналов, стихотворения её имели широкий круг читателей, в её литературном салоне в Москве собирався цвет городской интеллигенции – писатели, историки и философы. На модные тогда «павловские четверги» приезжали обмениваться новостями и обсудить главные политические события Н. В. Гоголь и Е. А. Баратынский, Я. П. Полонский и А. А. Фет, А. И. Герцен и Н. П. Огарёв, Т. Н. Грановский и П. Я. Чаадаев, К. С. Аксаков и братья Киреевские, А. С. Хомяков и С. П. Шевырёв.

Каролина Павлова (урождённая Яниш) была женщина незауряд-

ная, разносторонне одарённая, и её мнение для писательского круга значило немало. Она свободно владела тремя европейскими языками – немецким, французским, английским, читала и довольно свободно изъяснялась на испанском и итальянском, знала латынь и греческий, прекрасно рисовала, одухотворённо играла на фортепиано, превосходно разбиралась в истории и астрономии. Самые выдающиеся умы XIX в. считали К. Павлову гением перевода. Поэтесса, писавшая на четырёх языках, могла бы составить гордость любой нации, но у себя на родине она до сих пор мало известна.

В России имя К. Павловой снова зазвучало лишь в 90-е годы позапрошлого века в связи с её кончиной. Неожиданно начался своеобразный «павловский ренессанс». Причину её забвения видели в том, что она ничего не предпринимала для того, чтобы её знала широкая публика [16]. Появились и другие работы, выражавшие явную симпатию к личности К. Павловой и к её творчеству, – С. Ф. Бартенева (1894), К. И. Храневича (1897). Обнаружилась тенденция к пересмотру прежних мнений. Теперь переводчицу обоснованно стали называть мастером звуковой магии [11].

Но после неожиданного всплеска – опять молчание. Только в 1915 г. от полного забвения имя поэтессы спас В. Брюсов, случайно нашедший в книжных завалах потрепанный сборник стихов К. Павловой.

Восхищённый поэт организовал переиздание сборника. Благодаря его бескорыстному порыву забытые стихи получили признание как живое, самобытное явление. В. Ходасевич отмечал сжатость, энергичность, нетрадиционную рифму и «мужественность» поэтического языка Павловой, но упрекал её в некоторой холодности. А. Белый относил Каролину Павлову к новаторам стиха, считая, что она, как и Державин, Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Тютчев и Фет, «создала и усовершенствовала ритм ямбического диметра» [17].

Память о Павловой воскрешали и поэтессы Серебряного века. Но как много у них павловского! Иногда, прочитав маленький стихотворный шедевр, задумаешься об авторстве:

«Увы! Справляюсь я с собою;
Живу с другими наравне;
Но жизнью чудною, иною
Нельзя не бредить мне во сне.
Куда деваться мне с душою!
Куда деваться с сердцем мне!..»

И с восхищённым удивлением узнаешь, что эти строки вышли из-под пера не очень счастливой женщины, жившей почти два века назад.

К несчастью, новое открытие Каролины Павловой произошло в разгар мирового катаклизма – Первой мировой войны. Изысканные стихи поэтессы, притом немки, пришлось не ко времени в России, озабоченной политическими проблемами.

Однако самые проникновенные русские поэтессы восприняли слова

К. Павловой о «святом ремесле» как собственные. М. Цветаева назвала свой лучший стихотворный сборник «Ремесло» (1923), А. Ахматова, также имея в виду строки Павловой, дала циклу стихов название «Тайны ремесла» (1936–1960).

В нашей стране литературное наследие К. Павловой не издано даже наполовину. В архивах хранятся уникальные рукописи поэтессы, с некоторых всё ещё не сделаны копии.

Что же представляла собой эта богато одарённая женщина?

Каролина родилась в семье представителя старинного лютеранского рода из онемеченной части Польши, Силезии, Иоганна Яниша. Фамилия претендовала на немецкий дворянский герб, затем И. Яниш получил и русское потомственное дворянство. С материнской стороны предками Каролины были английский негодант Чарльз Мартин и французская дворянка Мари Мелье де Прокур.

В девочке слились благородная немецкая, польская, французская и английская кровь. Но и кроме голубой крови семейству было чем гордиться.

Отец Каролины Карл Иванович Яниш был избран проректором основанного императором Александром I по просьбе и на средства известного мецената П. Г. Демидова училища высших наук *Athenaeum Litterarum Demidowianum Jaroslaviensi* в Ярославле. Оно имело одинаковую степень с университетом. Карл Иванович, кроме того, вёл курсы естественной истории,

химии и технологии. Получив медицинское образование в Лейпцигском университете, он отказался от медицинской карьеры, ибо не хотел даже предположительно оказаться «виновным в смерти человека» [4]. Яниш был большим любителем и знатоком живописи. Возможно, именно его портрет работы самого К. Брюллова висит в основной экспозиции Третьяковской галереи.

Семья считалась довольно состоятельной, имела дом в Москве и имение под Смоленском. К несчастью, во время наполеоновского нашествия и пожара Москвы дом Янишей сгорел, а имение было разрушено. Некоторое время семье пришлось жить на съёмных квартирах. Но это не сказалось на воспитании единственной дочери Янишей, которая получила глубокое, разностороннее образование: иностранные языки, живопись, музыка, естественные науки.

Поселившись в доме на Мясницкой, Яниши познакомились с А. П. Елагиной (1789–1877) – племянницей В. А. Жуковского, духовной спутницей поэта на протяжении всей его жизни. Дом Елагиных у Красных ворот стал центром культурной жизни Москвы. Соученики и друзья сыновей А. П. Елагиной – профессора Московского университета, писатели и поэты – весь цвет эпохи стремились в её литературный салон. Здесь устраивались чтения новых произведений, разыгрывались шарady и теа-

тральные сценки, сочинялись экспромтом стихи.

Образованная и талантливая девушка обратила на себя внимание Авдотьи Петровны, обладавшей особым чутьём на неординарность. «Пышноволосая, черноглазая, худая» Каролина завязала дружбу с сыновьями хозяйки салона Петром и Иваном Киреевскими и с поэтом Н. Языковым. В 1825 г. начинающая поэтесса впервые с замечательным самообладанием выступала с чтением своего стихотворения на немецком языке¹.

Братья Киреевские ввели юное дарование в знаменитый литературно-музыкальный салон З. А. Волконской. «Тут соединялись представители большого света, сановники и красавцы, молодёжь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Всё в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли», – вспоминал автор выражения «загнивающий Запад» С. П. Шевырёв [18].

Частыми гостями были А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, П. Я. Чаадаев, П. А. Вяземский, Д. В. Давыдов, Д. В. Веневитинов и многие другие знаменитости.

Темой обсуждения в салоне часто служили политические события. После декабрьского восстания 1825 г. и отъезда жён декабристов в Сибирь самым злободневным событием стали волнения в Речи Посполитой².

¹ В переводе Вс. А. Рождественского оно называется «Нам посланы в глухой земной юдоли...».

² Речь Посполитая Обоих Народов – федеративное государство, образованное в результате объединения Королевства Польского и Великого княжества Литовского Люблинской унией 1569 г.

Ещё не была забыта судьба героической и безрассудной Барской конфедерации, стремившейся ограничить иностранное вмешательство в дела родины, провести конституционные реформы и в то же время отрицавшей религиозную толерантность. Поражение конфедератов стало предпосылкой для первого раздела Польши, договор о котором был подписан Россией, Пруссией и Австрией 5 августа 1772 г.

Раздел страны потряс свободолюбивых поляков, но идея Конституции не погибла, и документ был принят 3 мая 1791 г. Четырёхлетним сеймом. Конституция действовала всего 18 месяцев и 3 недели. Страны – участники раздела опасались, что, усилившись благодаря реформам, Польша может потребовать земли, которые были у неё отторгнуты. В результате разразилась Русско-польская война, или «война в защиту Конституции», причём на стороне российских войск выступала и польская магнатория. Гродненский сейм был вынужден одобрить упразднение Конституции 3 мая и акт о втором разделе Польши, то есть о фактическом превращении польского государства в протекторат Российской империи. Патриоты негодовали, и 24 марта 1794 г. в Кракове, древней столице Польши, литовский шляхтич Т. Костюшко призвал поляков взяться за оружие. Это стало началом восстания, названного впоследствии его именем и всколыхнувшего все прогрессивные силы Европы. Идеи борьбы за свободу широко распространились в Австрии, Пруссии и

России. Но поражение Костюшко от войск коалиции стало для польского государства роковым: в 1795 г. состоялся третий и последний раздел Польши – она просто исчезла с политической карты.

Ликвидация польской государственности породила мощное национальное движение в Польше и конфронтацию между двумя нациями. Польское самосознание формировалось в ходе противостояния с Россией в геополитической, идеологической, конфессионной областях и расценивалось носителями выше этнической общности с родственным славянским народом [3].

Новое состояние Польши требовало законодательного урегулирования, и после наполеоновских войн по решению Венского конгресса было создано Царство Польское – государство в статусе королевства, находившееся в личной унии с Россией, которую в Варшаве представлял русский наместник. Александр I, рассматривая королевство как высококультурную страну, транслятор западных тенденций, дал ему либеральную конституцию.

Проникнутая романтическим энтузиазмом польская университетская молодёжь мечтала о восстановлении самостоятельности своей родины. Но Петербург зорко наблюдал за настроениями молодой и образованной части польского общества. Одной из главных целей царского правительства в Польше стало эффективное и долговременное предупреждение волнений в этом стратегически важном регионе империи.

Раскрытие комиссией во главе с сенатором Н. Н. Новосильцевым патриотических и просветительских обществ филематов («любящих науку»), а затем и филаретов («любящих добродетель») повлекло арест около ста участников этих тайных организаций. Арестованные были заключены в виленские монастыри, превращённые в тюрьмы.

22 октября 1823 г. в застенки попал поэт Адам Мицкевич, сын обедневшего шляхтича, служившего адвокатом в Новогрудке (ныне Белоруссия), а ранее воевавшего в рядах армии Костюшко. Обучаясь в Виленском университете, молодой человек участвовал в деятельности филаретов и находился под влиянием высоких идеалов свободылюбия. В это время проявилось его замечательное поэтическое дарование: он уже создал «Оду к молодости», романтическую поэму «Гражина» и наиболее фантастические части великой драмы, главного произведения польской литературы – поэмы «Дзяды, или Поминки». Его уже начинали считать своего рода достоянием нации [20].

Друзья, ценя его талант, на следствии утверждали, что Мицкевич в обществе не состоял и не мог состоять, так как тогда в Вильно не жил. В результате этой тактики 20 апреля 1824 г. следственная комиссия вынесла следующее заключение: «Адам Мицкевич не принадлежал к обществу филаретов, а знал токмо об обществе том» [9]. Тем не менее поэт был приговорён к высылке из Литвы в центральные губернии

России. В январе 1825 г. Адам навсегда покинул родную Литву и оказался в Одессе. Здесь применения его способностям не нашлось, и он отправился в Москву для получения дальнейших распоряжений о своей участи.

Сначала Мицкевич вёл довольно замкнутый образ жизни, общался преимущественно с жившими в Москве поляками, но весной 1826 г. польскую знаменитость ввёл в московскую литературную среду редактор «Московского телеграфа» Н. Полевой. Впечатление, произведённое Мицкевичем на московское общество, было исключительно благоприятным. Это выразительно описал К. Полевой в своих «Записках...»: «Все, кто встречал у нас Мицкевича, вскоре полюбили его не как поэта (ибо очень немногие могли читать его сочинения), но как человека, привлёкшего к себе возвышенным умом, изумительною образованностью и особенно, какой-то простодушною, только ему свойственною любезностью... Наружность его была истинно прекрасна. Чёрные, выразительные глаза, роскошные чёрные волосы, лицо с ярким румянцем... Когда он воодушевлялся разговором, глаза его воспалялись, физиономия принимала новое выражение, и он бывал в эти минуты увлекателен, очаровывая притом своею речью: умною, отчётливою, блистательною...» [15].

Поэт стал часто бывать в салоне княгини Волконской, где был в числе любимейших и почётнейших гостей. Наделённый непобедимым

сарматским обаянием, преследуемый властями, обладающий редким даром импровизации, Мицкевич воплотил идеальный образ поэта-романтика. Известный художник Г. Мясоедов на своей картине «А. С. Пушкин слушает импровизации А. Мицкевича в салоне З. А. Волконской на Тверской» (1899) изобразил одно из таких озарений вдохновенного поляка. Импровизации Мицкевича никого не оставляли равнодушным. «В импровизации его были мысль, чувство, картины и в высшей степени поэтические выражения. Можно было думать, что он вдохновенно читает поэму, им уже написанную», – восхищался Вяземский [2].

А двадцатилетнюю Каролину Яниш настигла любовь всей жизни.

К этому времени уже были опубликованы её переводы на немецкий язык стихов А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье», «Пророк» и др. Во многом благодаря Каролине русскую поэзию начали читать в Европе.

Всегда занимавшая активную жизненную позицию, девушка обратилась к Мицкевичу с просьбой дать ей несколько уроков польского языка. Теперь уже невозможно установить, явилось ли быстрое согласие результатом материальных затруднений Мицкевича или следствием очарования Каролины. Благодаря этим урокам поэт, поначалу совсем не знавший русского языка, стал говорить по-русски почти без акцента. Каролина оказалась прекрасным педагогом и восприимчивой ученицей.

Известен написанный ею портрет поэта, на нём совсем молодой Мицкевич с непривычно короткой причёской сидит в романтической позе вполоборота к зрителю, небрежно свисает кисть с тонкими пальцами. Другой его портрет, также написанный Каролиной, не сохранился.

Рисунки настолько впечатлили Адама, что в его разговорах и переписке Каролина получила прозвище Художница.

Принято считать, что Мицкевич сделал К. Яниш предложение. Об этом говорят стихотворения Каролины «10 ноября 1840», «На 10 ноября» (оба 1841), «К тебе теперь я думу обращаю» (1842). В них она спрашивает любимого, помнит ли он, как «при шуме бала безмолвно я назвалась твоей», не забыл ли он дня, «когда она ему навек без страха обреклась – в тот миг святой пред божьим провиденьем, – когда душа глубоко полюбя, с невольным скажет убежденьем – душе чужой: я верую в тебя?» [16].

Родители, для которых желание дочери было законом, скрепя сердце смирились. Резкое неприятие нищего неблагонадёжного поляка без определённых занятий выказал богатый дядя Каролины. Он намеревался завещать любимой племяннице немалое состояние – при условии, что она не совершит опрометчивого поступка и не свяжет свою жизнь с пустым человеком.

Пока в семье Янишей кипели страсти, Мицкевич для устройства дел отправился в Санкт-Петербург. Здесь в 1828 г. вышла его поэма

«Конрад Валленрод» с посвящением императору Николаю I [13]. В ней повествуется о борьбе свободолоубивой Литвы с Тевтонским орденом в XIV в. Главный герой поэмы, литовец, в чьём сердце живёт боль из-за унижения отечества и ненависть к немцам, мнимо отрекается от своей родины и становится во главе ордена, чтобы привести его к гибели [9]. Современники могли усмотреть в поэме аллюзию борьбы поляков с поработителями. В то же время поэт раскрывал своё видение сложившейся для Польши ситуации – необходимость смириться с торжеством более сильного поработителя и, служа ему, тайно действовать против него.

Из Петербурга Мицкевич вполне определённо писал другу К. Дашкевичу: «Нет сомнения, что Художница мне нравилась, но я не был настолько влюблён, чтобы ревновать или не представлять себе жизни без неё... Я пока не признавался ей в любви. Один только раз... я спросил невзначай и как бы случайно: могла ли она быть счастлива, разделив судьбу с любимым человеком или что-то в этом роде... Как-то раз я сказал, что есть такая особа, которая подошла бы мне при счастливых обстоятельствах... Никаких взаимных обязательств между нами нет, да они и не нужны» [20].

А в одном из последующих писем есть такие слова: «Я ни разу не сказал ей, даже шутя, что люблю её; никогда не говорил о женитьбе» [20].

Тем не менее он задаётся в письме почти риторическим вопросом: «Неужто же меня Художница на-

столько очаровала, что я стал отчаянно холоден к другим женщинам?» Дашкевича он наставлял: «Ещё моя осада не снята, и кто знает, предприиму ли я новый штурм... Помни, что ты должен приготовить рапорт и сообщить в своей обычной манере подробно и точно, что происходит на Мясницкой» [20].

Он пытался самому себе и другу объяснить ситуацию: «...Если бы она была действительно настолько богата, чтобы сама себя содержать как жена могла (ибо, как знаешь, сам я себя еле могу прокормить), и если бы она со мной отважилась ездить, я женился бы на ней, хотя кое-что в ней мне не по душе... Но это, однако, возмещается её прелестными и добрыми качествами. Доведайся стороной (если возможно), есть ли у неё состояние. Никаких обещаний от моего имени давать не следует, ибо моё положение доньше сомнительное» [20].

Дашкевич недолго «подробно общал» адресату о происходящем на Мясницкой: страдая от неразделённой любви к Каролине, от безысходности жизни мелкого чиновника и от изводившей его чахотки, поздней осенью 1829 г. он покончил с собой. Очень сомнительно, что, как считали некоторые, он делал Яниш предложение: что, кроме большого себя самого, он мог предложить девушке с блестящим будущим?

Мицкевич встревоженно писал другому своему confidentу, Ю. Ежовскому: «Хотел написать Каролине, но не знаю, что произошло после этого ужасного события, что она думает и что с ней творится...

Я ничего ей не обещал, а теперь обязательства ещё более нас разделили. Но всё же я хочу услышать твой голос, напиши откровенно и без обиняков» [20].

Не получая от Адама известий, Каролина написала сама: «Я не могу дальше выносить столь продолжительной неизвестности... Десять месяцев прошло со времени твоего отъезда... Я убедилась, что не могу жить без дум о тебе, убедилась, что моя жизнь всегда будет только цепью воспоминаний о тебе, Мицкевич! Что бы ни случилось, душа моя принадлежит только тебе одному. Если же мне суждено жить не для тебя, то жизнь моя похоронена, но и это я снесу безропотно. <...> Надобно, чтобы ты так или иначе решил мою судьбу» (19 февраля 1829 г.) [16]. Но ничего определённого Мицкевич ей не сказал и своего предложения, если оно было сделано раньше, не повторил. В это время у него окончательно оформилось решение покинуть Россию навсегда. При помощи влиятельных друзей и покровителей ему удалось получить заграничный паспорт [13].

Перед отъездом он вписал в альбом Каролине стихи:

«Когда пролётных птиц несутся вереницы

От зимних бурь и выюг и стонут в вышине,

Не осуждай их, друг! Весной вернутся птицы

Знакомым им путём к желанной стороне.

Но, слыша голос их печальный, вспомни друга!

Едва надежда вновь блеснёт моей судьбе,

На крыльях радости промчусь я быстро с юга

Опять на север, вновь к тебе!»

13 мая 1829 г. он отплыл из Кронштадта.

Для Каролины это стало ударом, но она сумела сохранить достоинство: «Что бы ни случилось в будущем, жизнь для меня будет приятной: я часто буду искать в глубине своего сердца драгоценных воспоминаний о тебе, с радостью буду перебирать их, потому что все они для меня – алмаз чистой воды. Прощай, мой друг» [17].

Перед поэтом лежал весь мир. Он путешествовал по Германии, спустился в Италию, побывал в Милане, Флоренции, Венеции, Риме. Однако начало ноябрьского восстания 1830–1831 гг., которое было по сути настоящей войной, конфронтацией двух армий с битвами, сопоставимыми по числу потерь со сражениями Отечественной войны 1812 г. [5], властно позвало патриота Мицкевича на родину. Он безуспешно пытался вернуться в страну, где Конституция была отменена, а вместо неё принят Органический статут Царства Польского, резко ограничивающий самостоятельность Польши и объявлявший её неотъемлемой частью Российской империи [13].

Польские события – трагедия двух братских народов – вызвали в русском обществе реакцию неоднозначную. Радикальная общественность в лице Герцена выразила со-

чувствие и приветствие польскому восстанию. Либерально настроенную часть российской элиты оттолкнуло стремление вновь забрать под польскую власть белорусские и украинские земли. После подавления восстания началась русская националистическая реакция.

Считается, что два стихотворения А. С. Пушкина, «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», были написаны по заказу императора Николая I, который приказал опубликовать их вместе со стихотворением В. А. Жуковского «Старая песня на новый лад» отдельной брошюрой под названием «На взятие Варшавы». Однако поэту не пришлось особенно кривить душой: он полагал, что существование государства Польша противоречит интересам России.

Стихи Пушкина вызвали волну осуждения. Даже его друг П. А. Вяземский признавал: «Как огорчили меня эти стихи! Власть, государственный порядок часто должны исполнять печальные, кровавые обязанности, но у Поэта, слава Богу, нет обязанности их воспевать» [2].

А. Мицкевич откликнулся стихотворением «Русским друзьям» («Друзьям-москалям»), в котором, не называя имён, обвинил Пушкина в предательстве идеалов свободы [9].

С 1932 г. польский поэт жил в Париже. Стороной Каролина узнала, что Мицкевич женился на дочери известной пианистки Марии Шимановской, в июне 1834 г. состоялось венчание [20]. В этом же году поэт издал третью часть поэмы «Дзяды», посвящённую процессу

филоматов, начал работу над своей романтической эпопеей, названной в честь Костюшко «Пан Тадеуш».

Каролина, по-видимому, сочувствовала невзгодам Польши и была солидарна с Мицкевичем, но стремилась оставаться в дружеских отношениях и с литераторами противоположных взглядов. Историю отношений с Мицкевичем она не выставляла напоказ в своих стихах, ограничиваясь лишь полунамёками. В стихотворных посланиях – воспоминаниях об объяснении с поэтом его имя не упоминается, к тому же первое из них было впервые опубликовано только в 1863 г., второе же издано спустя много лет после смерти поэтессы – в 1939-м [17].

После крушения любви Каролину захватила и приносила большое удовлетворение литературная деятельность. Сыпавшиеся со всех сторон похвалы поднимали самооценку, несколько нарушенную разрывом с Мицкевичем.

Выход в Германии её первого сборника *Das Nordlich* («Северное сияние. Образцы новой русской литературы»), включавшего переводы из А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского, Н. М. Языкова, Д. В. Веневитинова, русских и малороссийских народных песен, образцы новой русской прозы, а также десять оригинальных стихотворений поэтессы на немецком языке (1833), стал настоящим литературным событием [16]. Её переводы из Пушкина на немецкий не превзойдены до сих пор.

В это время произошло ещё большее сближение Каролины со

славянофилами. Она находилась в уважительных отношениях едва ли не со всеми ведущими идеологами славянофильства: братьями Аксаковыми, А. С. Хомяковым, С. П. Шевырёвым и другими. С Н. М. Языковым, автором знаменитого «Пловца» («Нелюдимо наше море») и студенческого гимна «Из страны, страны далёкой», её особенно сблизили их поэтические диалоги. Удивительно, что ксенофоб Языков причислял Каролину Яниш, в которой не было ни капли русской крови, к единомышленникам-славянам [17].

Каролина ожидаемо получила огромное наследство от родственника, ранее возражавшего против её брака с Мицкевичем. Она стала хозяйкой большого дома в Москве, на Рождественском бульваре, и обладательницей немалого капитала. Ей досталось имение в Подмоскowie с тысячей душ крепостных, с годовым доходом в сорок тысяч рублей и несколько имений поменьше, тоже приносящих изрядный доход. Теперь 26-летняя поэтесса перешла из разряда старых дев в категорию завидных невест. Она имела возможность сама выбирать спутника жизни. Её выбор пал на Николая Филипповича Павлова (1803–1864), известного литератора и человека во всех отношениях незаурядного. Он же друзьям своим говорил, что женится «не из денег, но и не без денег» [7]. То есть оба супруга делали вполне сознательный шаг.

Поначалу всё было действительно прекрасно: обрётённое богатство, замужество, рождение сына

окрыляли Каролину. Она ощущала, что теперь ей доступно многое из того, о чём раньше только мечталось. Она поразила литературную общественность заявлением: «Я – не поэтесса, я – поэт!»

Каролина продолжала плодотворно работать в области перевода. В 1839 г. парижский журнал *Revue Germanique* напечатал переведённую ею на французский язык поэму Шиллера «Орлеанская дева»; в том же году в Париже вышел сборник *Les preludes* («Прелюдии»), куда вошли её переводы не только с русского, но и с английского, польского, итальянского. На примере творчества шестнадцати поэтов были представлены пять литератур. Всегда относившаяся к оригиналу с большим уважением, Каролина оказалась самым корректным переводчиком своей эпохи.

Супруги Павловы создали литературный салон, но именно Каролина определяла его атмосферу.

В феврале 1843 г. Каролине Карловне был представлен А. И. Герцен, сразу отметивший незаурядность личности Павловой. «Из людей видел одного, да и тот женщина, т. е. Павлова, – её голос неприятен, её вид также не вовсе в её пользу, но ум и таланты не подлежат сомнению» [10].

Взаимоотношения внутри московского литературного круга, в котором Каролина занимала видное место, были весьма сложными. Обострилось противостояние западников и славянофилов [4]. Западники пытались уяснить общую схему развития мировой истории и

вписать туда Россию, настаивая на том, что она неотъемлемая часть европейской цивилизации и должна сотрудничать с Европой, выступали за эмансипацию женщин. Но их проповеди идеи личной свободы и главенства закона воспринимались правительством почти как призыв к бунту.

Славянофилы подчёркивали уникальность пути развития России благодаря её исконным культурным корням и верности традициям. Они осуждали Европу за её рационализм и вульгарный материализм. Идеи славянофилов удачно вписывались в охранительные идеологемы правительства, поэтому направление их мысли в определённой степени устраивало Николая I, для которого европеизация ассоциировалась главным образом с бунтом [8]. Однако славянофилы были слишком честны и плохо управляемы, чтобы стать проводниками государственной идеологии.

Ожесточённая полемика, развернувшаяся между славянофилами и западниками в 1840-е гг., стала одним из острых проявлений скрытого брожения умов. Краеугольным камнем противостояния стал польский вопрос [17]. Ориентируясь на Запад, Польша и поляки укоренились в западной культуре в области политики, образа жизни, моды и пр. Тем самым западники в противоположность славянофилам в определённой степени являлись стихийными полонифилами. В то же время полонифобия в имперской России являлась управляемым и направляемым

процессом, но не порождением массового сознания [5].

По своим убеждениям и дружеским связям Павлова склонялась к славянофилам, не разделяя при этом их политических крайностей; она избрала для себя нейтральную позицию. Однако в распре, вызванной публичными лекциями Т. С. Грановского, Каролина не встала на сторону славянофилов, возмущённых пассажем Грановского: «Какой необъятный долг лежит на нас по отношению к Европе, от которой мы даром получили блага цивилизации человеческого существования, доставшиеся ей путём кровавых трудов и горьких опытов» [1]. Поэт-славянофил Языков отреагировал на это стихотворением «Не наши». Прежний певец «разгула и свободы» клеймил всех не разделяющих идеи славянофилов как «изменников отечества». Само противопоставление «Не наших» саркастическому термину «Наши», выдвинутому В. Г. Белинским в адрес русских славянофилов, являлось открытым вызовом. Языков не стеснялся в выражениях: западники (Чаадаев, Грановский, Герцен, Огарёв, Боткин, Кавелин и др.), по его убеждению, – «люди заносчивый и дерзкий – опрометчивый оплот ученья школы богомерзкой», которому «чужд и дик родной закон, родной язык не понятен, для кого родная земля иль безответна, иль смешна, чей ум развратен, а совесть прокажена» [14]. Правда, слабый здоровьем поэт шесть лет лечился в Европе.

Языков обратился к Каролине с обиженным посланием, в котором

удивлялся тому, что она отказала ему в поддержке, а ведь его «русский стих восстаёт на нехристь злую за родную старину и долефоровскую Русь». Он напоминал о дружбе, смолоду их связывавшей и не прерывавшейся в течение пятнадцати лет [14].

Именно эта дружба не давала поэтессе присоединиться к хору противников Языкова. Следует ещё раз подчеркнуть, что голос Павловой имел немалый вес, она в то время являлась одной из «законодательниц мод» на российском Парнасе [16]. И западники, и славянофилы требовали определиться, на чьей она стороне. В её отклике сказалась высота её нравственного чувства и человечность взглядов:

«Нет! не могла я дать ответа
На вызов лирный, как всегда;
Мне стала ныне лира эта
И непонятна, и чужда.
Не признаю её напева,
Не он в те дни пленял мой слух;
В ней крик языческого гнева,
В ней злобный пробудился дух.
Не нахожу в душе я дани
Для дел гордыни и греха,
Нет на проклятия и брани
Во мне отзывного стиха».

Только ли любовь к польскому поэту ставила Павлову «над схваткой»? Представляется, что нет. Она обладала слишком самостоятельным умом и оформившимся самосознанием и, равно видя и слабые, и сильные стороны обоих станов, не примыкала ни к одному из них. Могла ли полиглот Каролина согласиться с Д. И. Фонвизиним, изде-

вавшимся над польским языком, который казался ему «смешон и подл» [18]? Или с Ф. М. Достоевским, отличавшимся полонофобией и писавшим И. С. Тургеневу с некоторой обидой: «Поляки до того презирают нас как варваров, до того горды перед нами своей европейской цивилизацией, что нравственного (то есть самого прочного) примирения их с нами на долгое время почти не предвидится» [6].

Анализируя ситуацию, Павлова сформировала собственный взгляд на «польский вопрос», в корне отличавшийся от преобладающих воззрений многих современников, впоследствии ставших классиками русской литературы, – не насмешка, а постижение, не осуждение, а понимание.

Польский бунт 1863 г. разделил русскую интеллигенцию на два лагеря. Далеко не все русские писатели расценили восстание против несправедливой государственной власти как грех, многие, напротив, сочувствовали полякам и даже ощущали некоторое родство с ними. Каролина наверняка присоединилась бы к этой группе русских прогрессивных литераторов, но в это время она из-за сложных жизненных обстоятельств уже покинула Россию.

Начало 50-х гг. стало для Павловой годами разочарования. Муж, которому она доверяла, завёл побочную семью и растратил состояние, оставив её практически нищей. Родители умерли.

Её любимый на чужбине, одинокий и нуждающийся, не оставлял

творчества. Медленно, мучительно возникало цельное и прекрасное произведение, которое должно было обессмертить имя Мицкевича. Это произведение – «шляхетский эпос в 12 песнях» – известная поэма «Пан Тадеуш». Написанная спокойно, задуманная широко и связанная с той знаменательной эпохой наполеоновского нашествия на Россию, от которой поляки ожидали «возрождения старой Польши», – «Пан Тадеуш» уподобляется польскими критиками бессмертным эпопеям Гомера [9].

Стороной Каролина узнала, что Адам похоронил жену и частью для того, чтобы рассеять скорбь от этой потери, частью с поручением от французского правительства организовать польские легионы в Турции отправился в Константинополь. Увлечённый бонапартизмом и мечтами о пользе родине, в начале крымской кампании он решился на этот безумный шаг, покинув скромную должность библиотекаря. Решительная Каролина готова была броситься ему на помощь, но злой рок опять воспрепятствовал их соединению. Прожив в Константинополе около двух месяцев и неустанно хлопоча по устройству легионов, Мицкевич заболел холерой и 28 ноября 1855 г. скончался в возрасте почти 57 лет [9].

Но, может быть, судьба как раз проявила великодушие. Узнал ли бы поэт в угловатой, нервной, сильно состарившейся женщине свою Художницу? И сам он, по воспоминаниям своих поклонников, находился не в лучшей фор-

ме: «...Развалина! Голова статуи на худом и небольшом теле с зачёсанными назад волосами, в которых уже сильно проглядывает седина. Но эти неправильные морщинки, изменяющиеся почти каждую минуту, искривление рта, приобретённое благодаря частому говорению, неуверенный взгляд глаз, как будто время стёрло их прежний цвет, – всё это вместе невольно пробуждает мысль о разбитой статуе, искалеченной капризной рукой случая, разрушительным зубом времени» [20].

Хорошо, что эта запоздалая встреча не состоялась. И через 35 лет после смерти Мицкевича, за четыре года до своей кончины, Каролина смогла, находясь под очарованием прекрасного образа молодого поэта, написать его сыну: «Воспоминание о моей любви к вашему отцу и до сих пор является счастьем для меня. Время, вместо того чтобы ослабить, лишь укрепило мою любовь. С благодарностью вспоминаю о том благословенном дне, когда он спросил меня, желаю ли я быть его женой. Он всегда стоит передо мною, как бы живой. Для меня он не перестал жить. Я люблю его теперь, как не переставала любить всё время» [16].

Прожитые дни не вызывали у постаревшей поэтессы сожалений: она любила, она творила, не шла наперекор собственным убеждениям... Это позволяло перебирать в памяти множество бесценных воспоминаний. Многие счастливые моменты прошлого, бережно ею хранимые, заключали в себе целый

мир. И главное – с ней оставалось
её творчество:

«Ты, уцелевший в сердце нищем,
Привет тебе, мой грустный стих!
Мой светлый луч над пепелищем

Надежд и радостей моих!
Одно, чего и святотатство
Коснуться в храме не могло:
Моя напасть, моё богатство!
Моё святое ремесло!»

Список литературы

1. Анненков П. В. Замечательное десятилетие // Литературные воспоминания. М.: Худ. лит., 1983. С. 121–167.
2. Вяземский П. А. Записные книжки. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 507 с.
3. Грабеньский М. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006. С. 625–636.
4. Гроссман Л. Вторник у Каролины Павловой. М., 1922. 52 с.
5. Долбилов М. Д. Полонофобия и русификация северо-западного края (1860-е гг.): метаморфозы этностереотипов. М., 2010. 174 с.
6. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. Письма 1834–1881. Л.: Наука, 1996. 862 с.
7. Зайцева И. А. Павлов Николай Филиппович // Русские писатели. 1800–1917: Биографич. слов. / Под ред. П. А. Николаева. Т. 4. 1999. 703 с.
8. Луферчик Е. Г. Власть и общество во время русско-польского политического кризиса 1828–1832 гг. // Сборник материалов Международной научно-практической конференции молодых учёных. Минск, 14–18 ноября 2011 г.: В 2 т. Т. 2. Минск: Беларус. наука, 2011. С. 70–73.
9. Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы. М.: Худ. лит., 1968. 742 с.
10. Никитенко А. В. Записки и дневник: В 2 т. Т. 1. СПб., 1905. 439 с.
11. Павлова К. К. Собрание сочинений В 2 т. / Ред. и материалы для биографии В. Брюсова. М.: К. Ф. Некрасов, 1915. 336 с.
12. Павлова К. К. Полное собрание стихотворений. Сер. «Библиотека поэта». М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 615 с.
13. Пржецлавский О. А. Воспоминания // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 125–168.
14. Песков А. М. Святая Русь и немецкая нехристь Николая Языкова // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 71.
15. Полевой К. Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого. СПб.: А. С. Суворин, 1888. 588 с.
16. Рапгоф Б. Е. К. Павлова. Материалы для изучения жизни и творчества. Пг.: Трирема, 1910. С. 89.

17. Рачинский С. А. Стихотворения К. Павловой и воспоминания о ней // Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899. 278 с.
18. Циммерман И. Г. Рассуждения о национальном любочестии // Из сочинений г. Циммермана / Пер. с нем. Д. И. Фонвизина. СПб., 1785. 100 с.
19. Шевырёв С. П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году С. П. Шевырёвым. СПб., 1884. 29 с.
20. Яструн М. Мицкевич. Сер. ЖЗЛ. М.: Мол. гвардия, 1963. 608 с.

MAYOROVA Elena I. – Doctor of Law, Professor of the Department of Private Law, State University of Management, Moscow, Moscow, Russia.

Address: 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russian Federation.

E-mail: trol003@mail.ru

Keywords: Karolina Pavlova, Adam Mickiewicz, poetry, partitions of Poland, Westerners and Slavophiles, Polish uprising, imperial politics, polonophobia.

KAROLINA PAVLOVA AND THE “POLISH QUESTION”

Abstract

Russian writer and poetess Karolina Pavlova's moral position regarding the Russian-Polish relations that developed after the third partition of Poland and the Congress of Vienna is presented in the article. Her fluency in almost all European languages, as well as her romantic relationship with the disgraced Polish poet Adam Mickiewicz, had a certain influence on the poetess' perception of the world. However, the independence of Pavlova's views on the political situation of the 30-90s of the XIX century is noted. In the confrontation between Westerners and Slavophiles, Pavlova preferred to stay above the fray, not sharing either the pathological denial of the achievements of the West or the worship of it. She formed her own view on the “Polish question”: understanding the historical drama of Poland. In times of political extremes, the poetess took a balanced Eurasian position, which could have made her, but for a number of circumstances did not, an arbiter in an endless dispute between opposing literary groups.

References

1. Annenkov P. V. Wonderful decade // Literary memoirs. M.: Art. literature, 1983. Pp. 121–167.
2. Vyazemsky P. A. Notebooks. M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. 507 p.
3. Grabensky M. History of the Polish people. Minsk: MFTsP. 2006. Pp. 625–636.
4. Grossman L. Tuesday at Karolina Pavlova. M., 1922. 52 p.
5. Dolbilov M. D. Polonophobia and Russification of the Northwest Territory (1860s): Metamorphoses of Ethnic Stereotypes. M., 2010. 174 p.
6. Dostoevsky F. M. Collected op. in 15 volumes. Vol. 15. Letters 1834–1881. L.: Science, 1996. 862 p.
7. Zaitseva I. A. Pavlov Nikolai Filippovich // Russian writers. 1800–1917: Biographical Dictionary / Ed. P. A. Nikolaeva. Vol. 4. 1999. 703 p.
8. Luferchik Ye. G. Power and society during the Russian-Polish political crisis of 1828–1832 // Sat. materials Intern. scientific-practical conf. young scientists. Minsk, November 14–18, 2011: in 2 volumes. Vol. 2. Minsk: Belarus. the science. 2011. P. 70–73.
9. Mitskevich A. Poems. M.: Fiction. 1968. 742 p.
10. Nikitenko A. V. Notes and diary: In 2 vols. Vol. 1. SPb., 1905. 439 p.
11. Pavlova K. K. Collected works / Ed. and materials for the biography of V. Bryusov: in 2 volumes. M.: K. F. Nekrasov, 1915. 336 p.
12. Pavlova K. K. Complete collection of poems. Series “Library of the poet”. M.; L.: Soviet Writer, 1964. 615 p.
13. Przhetslavsky O. A. Memoirs // Poles in St. Petersburg in the first half of the 19th century. M.: New Literary Review, 2010. Pp. 125–168.
14. Peskov A. M. Holy Russia and the German infidelity of Nikolai Yazykov // New Literary Review. 1995. No. 16. P. 71.
15. Polevoy K. Notes on the life and works of N. A. Polevoy. SPb.: A. S. Suvorin, 1888. 588 p.
16. Rapgof B. E. K. Pavlova. Materials for the study of life and creativity. Pg: Trirema, 1910. P. 89.
17. Rachinsky S. A. Poems by K. Pavlova and memories of her // Tatev collection of S. A. Rachinsky. SPb., 1899. 278 s.
18. Zimmerman I. G. Reasoning about national curiosity / Transl. with German D. I. Fonvizin. SPb., 1785. 100 p.
19. Shevyryov S. P. Lectures on Russian literature read in Paris in 1862 by S. P. Shevyrev. SPb., 1884. 29 p.
20. Yastun M. Mitskevich. Series LWP. M.: Young Guard, 1963. 608 p.